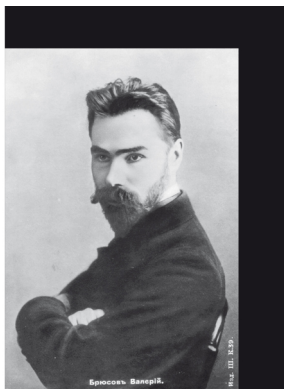


ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ В ПОЗИЦИИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ



БРУСОВЪ В.В. 1873-1921

ДЕНОК БРЮСОВУ

Василий Элинархович Молодяков
Венок Брюсову. Валерий Брюсов
в поэзии его современников

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254575

Венок Брюсову. Валерий Брюсов в поэзии его современников: Водолей; М.: 2013
ISBN 978-5-91763-160-8

Аннотация

«Венок Брюсову» выходит к 140-летию со дня рождения Мастера. Это наиболее полное на сегодняшний день собрание стихотворных посвящений поэту. Книга стремится показать личный и литературный облик Валерия Брюсова в восприятии современников – от друзей до недругов, от соратников по символизму до безвестных дебютантов. В сборник, включающий в себя 132 текста 82 авторов, вошли не просто посвященные Брюсову произведения, но, как правило, непосредственно к нему обращенные или содержащие его «портрет».

Содержание

Стихотворения:	5
«Велик как человек и как поэт...»	6
Венок Брюсову	10
Сергей Поляков	10
Валерию Брюсову, Императору рифм	10
Константин Бальмонт	11
«Только ты в мой ум проник...»	11
Виктор Гофман	12
Валерию Брюсову	12
А.Л. Миропольский	13
Великому брату	13
Константин Бальмонт	14
Валерию	14
Андрей Белый	15
Маг	15
Александр Койранский	16
В. Брюсов	16
Зинаида Гиппиус	17
«Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!...»	17
Зинаида Гиппиус	18
Сообщники	18
Константин Бальмонт	19
Валерию Брюсову	19
Константин Бальмонт	20
Моему единственному брату Валерию Брюсову	20
Максимилиан Волошин	21
...Когда время останавливается	21
Борис Садовской	23
Валерию Брюсову	23
Константин Бальмонт	25
Валерию Брюсову	25
Вячеслав Иванов	26
Valerio Vati[1]	26
Вячеслав Иванов	27
Ему же	27
Вячеслав Иванов	28
«О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны...»	28
Вячеслав Иванов	29
Mi fur le serpi amiche[2]	29
Андрей Белый	30
Старинному врагу	30
Вячеслав Иванов	31
Валерию Брюсову	31
Вячеслав Иванов	32
«Венок»	32
Иннокентий Анненский	33

Валерию Брюсову	33
Константин Бальмонт	34
«Где же ты, святыней клявшийся...»	34
Александр Курсинский	35
Пророк	35
Александр Курсинский	36
Валерию Яковлевичу Брюсову	36
Сергей Соловьев	37
Валерию Брюсову	37
1.	37
2.	38
3.	38
4.	38
В. Григорьев	40
Поэт	40
Александр Рославлев	41
Учителю	41
Эллис	42
Поэту наших дней	42
Михаил Кузмин	44
Акростих	44
С. Яншин	45
Spiritus	45
Андрей Белый	46
Поэт	46
Созидатель	46
Маг	48
Встреча	49
Борис Садовской	51
Валерию Брюсову	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Венок Брюсову. Валерий Брюсов в поэзии его современников

Стихотворения:

Дмитрий Абеляев, Адалис, Георгий Адамович, Иван Аксенов, Моисей Альтман, Амари, Иннокентий Анненский, Глеб Анфилов, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Николай Бернер, Александр Блок, Сергей Бобров, Вадим Борисовский, Иона Брихничев, Александр Булдеев, Магдалина Вериге, С. Владимирова, Юрий Верховский, Анатолий Волкович, Максимилиан Волошин, Николай Воробьев, Александр Гербстман, Зинаида Гиппиус, Сергей Городецкий, Яков Городской, Виктор Гофман, В. Григорьев, Василий Дембовецкий, Сергей Есенин, Николай Захаров-Мэнский, Борис Зубакин, Вячеслав Иванов, Александр Ильинский, Владимир Кириллов, Вера Ключева, Александр Койранский, Дмитрий Крючков, Михаил Кузмин, Иосиф Кунин, Александр Курсинский, Александр Кусиков, Макс Кюнерт, Олег Леонидов, Иван Логинов, Анатолий Луначарский, Надежда Львова, Я. Любяр, Николай Минаев, А. Миропольский, Ольга Мочалова, Максим Нетропов, Н. Ольхин, Надежда Павлович, Софья Парнок, Борис Пастернак, Сергей Поляков, Игорь Поступальский, Александр Рославлев, Иван Рукавишников, Владимир Руслов, Борис Садовской, Владимир Святловский, Игорь Северянин, Иосиф Симановский, Александр Скрябин, Игорь Славнин, Александр Соколовский, Сергей Соловьев, Федор Сологуб, Елена Сырейщикова, МаркТарловский, Борис Троицкий, Николай Ушаков, Александр Федоров, Марина Цветаева, Александр Чачиков, Георгий Шенгели, Вадим Шершеневич, Григорий Ширман, Эллис, Владимир Эльснер.

«Велик как человек и как поэт...»

Каждый поэт посвящает стихи современникам-поэтам, друзьям или врагам. Каждому сколько-нибудь значительному поэту посвящают стихи его современники, великие и малые. Облик поэта в них редко бывает достоверен или историчен – это продукт поэтического творчества, а значит вымысла. Стихи современников отражают не столько облик поэта, сколько его «образ» – представления о нем, зависящие от множества факторов.

Обмен стихотворными посланиями и посвящениями был характерен для поэзии Золотого века – предпушкинского и пушкинского времени. Серебряный век, век символистов и акмеистов, возродил эту традицию, почти угасшую в непэтическую эпоху шестидесятых и семидесятых годов XIX века. Порой это было подчеркиванием своей избранности и отделенности от мира профанов, но чаще радостно выражало чувство того «сладостного союза», который «издревле меж собой связует» поэтов, будь они в частной жизни друзья или враги.

По количеству и, скажем так, качеству стихотворных посвящений современников среди поэтов Серебряного века на первом месте стоит Александр Блок. За ним следует Валерий Брюсов, и два этих мастера, два признанных кумира и вождя символизма, заметно опережают остальных. Особенности биографии Блока и исторических судеб России вызвали исключительно сильный поэтический отклик на его смерть, в то время как большинство посвящений Брюсову написано при его жизни. Различие корпуса стихотворных посвящений Блоку и Брюсову – прежде всего различие их личных и литературных судеб.

Ю.М. Гельперин в исследовании «Блок в поэзии его современников» верно писал о стойком «обожании» Блока, особенно ярко проявившемся в посмертных стихах. Обожание – слово, мало применимое к Брюсову, хотя его и любили, и ненавидели. Ему адресовали не только восторженные признания, но и гневные инвективы, в том числе стихотворные. Но того, что Блок однажды назвал «какой ужас пошлости», среди посвящений Брюсову мы почти не найдем.

Поэтическую «брюсовиану» можно разделить на пять групп или, скорее, на пять расходящихся кругов. Первый круг – личные обращения близких людей. Таковы стихотворения Константина Бальмонта, являющиеся неотъемлемой частью их переписки, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, а также возлюбленных поэта – Надежды Львовой, Елены Сырейщиковой, Аделины Адалис. Здесь мы встречаем стихотворные записки или инскрипты на книгах, что для самого Брюсова было нехарактерно. Читая и тем более публикуя такие стихи, в чем-то домашнего, в чем-то интимного характера (многие из них не предназначались для печати), можно почувствовать некоторую неловкость. Но... жизнь великого человека уже не принадлежит ему, а нам дорога каждая ее черта. И что бы ни говорил о нем в сердцах тот же Бальмонт, в надписи на первом томе переводов Шелли – и в нашей памяти – останутся слова: «Тебе, единственный мой брат... Хоть мы с тобой далеки, – с тобою вечно мы вдвоем».

Второй круг – обращения соратников по перу, ровесников (в литературном смысле) или учеников. Они предназначались для печати и требовали ответа. Брюсов, как правило, отвечал – из его стихотворных посланий можно составить интересный сборник. Этот круг частично пересекается с первым: Бальмонт и Иванов подчеркивали дружбу с Брюсовым, Белый – восхищение, переходившее в ненависть и обратно. (Именно отсюда идет легенда о Брюсове – «черном маге», подхваченная теми, кто не знал его лично: «астролог» у Александра Булдеева, «безумец, гений и мудрец» у Александра Соколовского и иже с ними). Здесь мы видим имена большинства выдающихся поэтов Серебряного века, по крайней мере, так или иначе связанных с символизмом. Александр Блок откликнулся на присылку сборника «Зеркало теней» стихотворением, которое стало одним из украшений третьего тома его «лирической трилогии». Михаил Кузмин куртуазно обменялся с Брюсовым сонетами-акро-

стихами. Сергей Соловьев и Борис Садовской изливали восторги учеников, признанных и одобренных мастером. Игорь Северянин всячески афишировал не только близость к «президенту среди поэтов», но и то, что они говорят на равных: «Великого приветствует великий». Зинаида Гippiус, Федор Сологуб, Юргис Балтрушайтис, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев посвятили Брюсову значимые для них стихи, даже если в них не было прямого обращения к адресату посвящения. Виктор Гофман и Николай Бернер благодарили за внимание к своим первым опытам, а недовольная Марина Цветаева полемизировала со слишком скромной, по ее мнению, оценкой, которую Валерий Яковлевич дал «Вечернему альбому» и «Волшебному фонарю». Третий круг – стихи людей, лично не знакомых с Брюсовым, но в той или иной степени участвовавших в «литературном процессе». Они покупали его книги, как только те появлялись в магазинах, выписывали журналы, где регулярно печатался Брюсов, ходили на литературные вечера. Наиболее смелые посылали мэтру свои творения с просьбой – а иногда с требованием – об оценке, советах или протекции. До поры до времени мэтр читал присылаемое, хотя однажды на полях в сердцах написал: «Нельзя же так беззастенчиво подражать Брюсову». Потом обратился с открытым письмом к молодым поэтам, попросив не отнимать у него время, нужное для собственного творчества, или, по крайней мере, не обижаться на молчание. К сожалению, письмо было опубликовано только в наши дни, а поток писем и рукописей, то усиливаясь, то иссякая, не прекращался до самой смерти.

Имена этих стихотворцев (многих уместнее назвать «стихоплетами», нежели «поэтами») по большей части ничего не говорят современному читателю, кроме специалистов и знатоков. Главная ценность их скромных опытов в том, что содержащийся там образ Брюсова – сугубо литературный, не «замутненный» личным знакомством. Обращения, как правило, восторженные: «ваятель четких слов» (Владимир Руслов), «славный учитель и муж, многоопытный в тайном труде песнопений» (Иосиф Симановский), «безумец, гений и мудрец» (Александр Соколовский), «аллей ликейских друг и оргиаст бессонный» (Анатолий Волкович). Много переключек со стихами самого Валерия Яковлевича – воистину «друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья». Посвящения Брюсову все чаще появляются в книгах дебютантов, дальнейшая судьба которых на тот момент еще не ясна. Сергей Бобров, Николай Асеев, Константин Большаков займут видное место в литературе; Симановский и Соколовский канут в Лету; сведений о других просто не найти. Нередко стихотворения – опубликованные и неопубликованные – посылались адресату. Иногда это имело продолжение: Брюсов отметил отдельной рецензией первый сборник Александра Булдеева, а Николай Бернер на старости лет, в эмиграции, с благодарностью вспоминал: «Валерий Брюсов был моим другом и первым наставником в творческих исканиях и опытах».

Четвертый круг – приветствия к пятидесятилетнему юбилею (декабрь 1923) и отклики на смерть Брюсова (октябрь 1924), которые я рискну объединить как подведение итогов его жизненного и литературного пути. Отчасти он сделал это сам в стихотворении «Пятьдесят лет». С нелегкой руки некоторых современников юбилей принято считать «казенным» – дескать, не было там ни друзей, ни единомышленников. Тому есть объективные причины: кто-то умер, кто-то оказался в эмиграции, кто-то из оставшихся не принял новой поэзии и позиции Брюсова. Михаил Кузмин не приехал и стихов не прислал, но опубликовал теплую статью. Анатолий Луначарский произнес стихотворный экспромт, не уступающий большинству посвящений дореволюционного времени. Владимир Кириллов принес на удивление лиричную благодарность юбиляру от имени «пролетарских поэтов». Наконец, едва ли не самую точную и откровенную характеристику Брюсову дал Борис Пастернак, весьма далекий от него и в жизни, и в литературе:

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?

Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка – улыбаться, мучась?

Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настежь в город дверь открыли?
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разодрали крылья?..

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили?

Поэтические отклики на смерть Брюсова по благожелательности явно превосходили прозаические некрологи и первые мемуарные очерки. Смерть примирила с ним если не врагов, то оппонентов. Вячеслав Иванов из Рима откликнулся на просьбу вдовы поэта сложить «современную молитву» его памяти. Внешне незатейливо, но искренне и с глубокой душевной болью написал Сергей Есенин: «Валерий Яклевич, мир праху твоему». Торжественным, «брюсовским» стихом помянул его Георгий Шенгели: «В дубовом гробу костенеет поэт, и костью над гробом ломается ямб». Наконец, Игорь Северянин гневно ответил хулителям: «Как жалки ваши шиканье и свист над мертвецом, бессмертием согретым». Сказали «последнее прости» и многие безвестные стихотворцы.

Пятый и последний круг – стихи современников, запечатлевшие его литературную «жизнь после смерти» (поэтов позднейших поколений я не рассматриваю). С каждым годом Брюсова вспоминали все реже, но память о нем «в буднях советской недели» выглядела знаком своеобразного «посвящения». Символом этой памяти стало «имя брюсовского дома на Мещанской 32», где жила его вдова и хранительница наследия Иоанна Матвеевна. Здесь часто бывал Георгий Шенгели, вместе с хозяйкой работали над архивом Игорь Поступальский и Александр Ильинский, а Борис Зубакин и Макс Кюнерт дописали неоконченные произведения Валерия Яковлевича. И все они посвящали ему стихи. В стихах, а теперь и в мемуарах продолжал бороться с «черным магом» Андрей Белый. И даже когда Брюсов стал «историей», его – кумира далекой юности – вспоминали филолог-классик Моисей Альтман и альтист Вадим Борисовский.

Поэты русского зарубежья в любви к Брюсову почти не признавались, хотя, конечно, знали его стихи. «“Тень несозданных созданий...” – готовы мы были повторить как пропускной пароль», – заметил в начале 1960-х годов Георгий Адамович, и после этого признания уже не кажется неожиданным его довоенное стихотворение «Ничего не забываю, ничего не предаю...» с концовкой из брюсовского «Творчества»:

И как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

Настоящий сборник – только часть поэтической «брюсовианы», но, смею надеяться, лучшая часть – произведения, не просто формально посвященные Брюсову, но адресованные ему, повествующие о его личности и стихах, об отношениях с авторами посланий, великими и малыми поэтами-современниками. Большинство имен говорит само за себя, а неко-

торые новые, надеюсь, запомнятся читателям. Брюсов – это не история литературы, но сама литература, сама живая жизнь.

Вот поэтому в перечне длинном
Дорог мне средь сокровищ земных
Провозвестник удачи старинной —
Нестареющий брюсовский стих!

Василий Молодяков

Венок Брюсову
К 140-летию со дня рождения

Сергей Поляков

Валерию Брюсову, Императору рифм

Грустью миров
Повеяло вдруг
От этих строф,
Где брезжет дух
Грядущих снов.
Смущенный ум
Не ищет в них
Значений дум.
Их бьющий стих —
Природы шум.
Ты пробудил
Во мне мечты
О силе сил...
Ты —
Победил!

7 августа 1899

Константин Бальмонт

«Только ты в мой ум проник...»

Только ты в мой ум проник,
В замок, спрятанный за рвами.
Ты увидел тайный лик,
С зачарованными снами.

Что нам этот бледный мир?
Есть у нас с тобой примета.
В каждом схимнике – вампир.
В каждом дьяволе – комета.

Только ты поймешь меня.
Только ты! На что мне люди?
Мы от духа и огня,
Мы с тобою чудо в Чуде.

1 мая 1902

Виктор Гофман

Валерию Брюсову

Могучий, властный, величавый,
Еще не понятый мудрец,
Тебе в веках нетленной славы
Готов сверкающий венец!
В тебе не видит властелина
Взор легкомысленной толпы:
Что им бездонных дум пучина,
Мечты победные тропы?
Пусть будет так, пускай донине
Твой вдохновляющий призыв —
Глас вопиющего в пустыне.
О, верь! О, верь! Ты будешь жив!
Напевных слов твоих могучесть
Прожжет упорные сердца...
О, обольстительная участь!
О, блеск, о, слава без конца!
Твои предчувствия и думы
Постигнув, в сердце я таю,
И пред тобой, мудрец угрюмый,
Склоняю голову свою!

1902

А.Л. Мировпольский

Великому брату

Учитель! Жрец предания седого,
Вновь письма твои меня живут.
Твой взор меня ласкает снова,
И узнаю я свой магический наряд.
Мы в строгой комнате, мы в строгом мраке,
Не слышен город за цветным стеклом.
Круг сомкнут, выставлены знаки...
И в круге мы с тобой вдвоем!
Жезлом моя рука к земле гнетется,
Но ты хранишь бессилие мое...
Чу! всадник огненный во весь опор несется,
Нам в сердце устремив копье.
Чу! тысячи встают бесформенных, безликих,
И малых, сильных множеством своим...
Но мы пройдем сквозь сонм до тайн великих,
И дикий мир развеется, как дым.
Да, я стою с тобою рядом,
Такой же древний, как и ты.
И я горжусь магическим нарядом:
Мы одиноки и чисты!

<1902>

Константин Бальмонт

Валерию

Тебе, единственный мой брат,
С которым демоны и феи
Во мгле прозрачной говорят, —
Тебе, в чьих мыслях вьются змеи
И возникает Красота
Недвижным очерком камеи, —
Тебе, чьи гордые уста
Слагают царственные строки,
Где сталь и жесткие цвета, —
Тебе воздушные намеки
На то, что в замысле моем.
Смотри: хоть мы с тобой далеки, —
С тобою вечно мы вдвоем.

*Январь 1903
Москва*

Андрей Белый

Маг

В.Я. Брюсову

Я в свисте временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, зову пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещью глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот —
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены —
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

1903

Александр Койранский

В. Брюсов

В немую даль веков пытливо ты проник,
Прислушался к их звукам отзвучавшим
И тайный разговор расслышал и постиг.

Ты очертанья дал теням, едва мелькавшим,
Ты начертил свой круг и встал в нем, вещий маг!
Ты подал дивный знак, – и нет конца восставшим.

В сухих штрихах гравюр, в шуршании бумаг,
Ты уловил, что в них необычайно.
Ты разгадал их смысл, – и ожил каждый знак.

Ты явным сделал то, что прежде было тайно,
И в глубине увидел ряд глубин.
Так быть должно, так было не случайно.

<1903>

Зинаида Гиппиус

«Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!...»

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Учитель, служитель священных преддверий!
Тебе поклонились, восторженно-чисты,
Купчихи, студенты, жида, гимназисты...
И, верности чуждый – и чуждый закона,
Ты Грифа ласкаешь, любя Скорпиона.
Но всех покоряя – ты вечно покорен,
То красен – то зелен, то розов – то черен...
Ты соткан из сладких, как сны, недоверий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Тебя воспевают и гады и звери.
Ты дерзко-смиренен – и томно-преступен,
Ты явно-желанен – и тайно-доступен.
Измена и верность – все мгла суеверий!
Тебе – открываются сразу все двери,
И сразу проникнуть умеешь во все ты,
О маг, о владыка, зверями воспетый,
О жрец дерзновенный московских мистерий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

1903

Зинаида Гиппиус

Сообщники

В. Брюсову

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
Того, что быть могло, – единый раз?

Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.

И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступеням порывался...
Кричали мы: распни Его, распни!

Шел в гору Он – ты помнишь? – без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего и там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой,
И вникло острие, не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем...
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?

И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам?
Вчера, и завтра, и до века, оба —
Мы повторяем казнь – Ему и нам.

<1903>

Константин Бальмонт

Валерию Брюсову

Да, быстро, тотчас я хочу
Сказать тебе одно:
Тебе я предан, как лучу,
Как предан тот навек мечу,
Кому быть сильным суждено.

Я силен был, пока любил
Тебя, мой лучший сон.
К тебе остыв, я жизнь забыл,
Себя своей рукой убил,
Но снова я в мечту влюблен.

Я позабыл, что я солдат,
Я бросил острый меч.
Но твой холодный гневный взгляд
Меня к себе вернул назад,
Для жизни вместе – не для встреч.

И я люблю, и я живу,
Навек я снова – я.
С тобой все путы я порву,
Со смехом в пасть взгляну я льву, —
О, свет, о, счастье лезвия!

Октябрь 1903

Константин Бальмонт

Моему единственному брату Валерию Брюсову

Кто верит в свое вдохновение,
Тот должен любить лишь себя.
Я в том виноват, что мгновение
Разбил, на секунды дробя.
И в этих секундах томительных,
Как между незримых вещей,
Я – в нитях, я в цепкостях длительных,
И больше не свой, хоть ничей.
Но вот я устал от ничтожества,
Порвал паутину свою.
И больше не будет убожества,
Я твой, я с тобой, я пою.

Октябрь 1903

Максимилиан Волошин

...Когда время останавливается

По ночам, когда в тумане
звезды в небе время ткут,
я ловлю разрывы ткани
в вечном кружеве минут...
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свеваётся покров
со всего, что в формах, цвете,
со всего, что в звуке слов.
Да! я помню мир иной
Полустертый... непохожий...
В вашей жизни – я прохожий,
близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
мировых путей и сил
в этот мир замкнутых граней
влил меня и воплотил.
Как ядро прикован к телу
шар земной. Сверхая путь,
вниз на звезды заглянуть
я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Необычно мне сознание
знать весь мир как сочетание
лишь *пяти отдельных чувств*.
Что одни зовут звериным...
что одни зовут людским...
Мне, который был *единым*,
стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
неразгаданных чудес
скрыта близкой синевою
примирающих небес...
Мне так радостно и ново
все обычное для вас...
Я люблю обманность слова
и прозрачность ваших глаз;
ваши детские понятия
смерти, зла, любви, грехов —
мир души, одетый в платье
из священных, лживых слов:
гармонично и поблекло
в них мерцает мир вещей,

как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.
В вечных поисках *истоков*
я люблю в себе следить
жутких мыслей и пороков
нас связующую нить. —

Когда ж уйду я в вечность снова,
и мне раскроется она,
так ослепительно ясна,
так беспощадна, так сурова...
И звездным ужасом полна!

<1 ноября> 1903
Коктебель

Борис Садовской

Валерию Брюсову (По прочтении «*Urbi et orbi*»)

Прервав сны вещего безумья,
Ты вспомнил, наконец, о нас
И кинул миру плод раздумья,
Как отчеканенный алмаз.

Похитив радужные краски
У неба, моря и лучей,
Ты нам живописуешь сказки
Таинственных грядущих дней.

Зовешь нас к радостной свободе,
К блаженству вечному души,
Провидя тайны в звездном ходе
И в сумраке лесной глуши.

В решении пламенных вопросов
Любви, рождения, конца
В тебе задумчивый философ
Сменяет вещего певца.

Все, что сказать мы не умели,
Ты, одинокий человек,
Обрел в заоблачном пределе
И воплотил в стихе навек.

Не в силах мысль, огнем объята,
Восторгов удержать своих... —
Прими от младшего собрата
Из сердца вырвавшийся стих!

Тебе привет мой, скорбный гений,
Глашатай нового пути:
В мир одиноких вдохновений
Ты пособил мне перейти.

Я жду, молясь и пламенея,
Душою я разорвался:
Я пред собой увидел Фею,
К которой отроком рвался...

За мной — обманы, жизнь пустая,

Следы унылых, тяжких лет,
А впереди – сиянье Рая
И данный Истине обет.

И твердо верю я отныне,
Что светлой молодости сны
Я унесу с собой в пустыню,
Как ликование весны.

О, если б мог я бесконечно
Отдаться Тайне всей душой
И слиться с Истиной предвечной,
Как звезды робкие с зарей!..

8 ноября 1903
Москва

Константин Бальмонт

Валерию Брюсову

Как разлюбить Ассаргадона?
Пусть он, порой, людского стона
Не слышит, опьянен собой.
Что стоит гений! В нем быть вечность,
Замрет в нем, вспыхнув, быстротечность,
Но быстрый миг поймет любой, —
А кто поймет миров бездонность,
Их длительность, их непреклонность,
Их бури в бездне голубой?
Один лишь он, кто – вне закона,
Кто мерит дали небосклона
Своей душою, лишь собой!

*Декабрь 1903
Москва*

Вячеслав Иванов

Valerio Vati¹

Здесь вал, мутясь, непокоривой
У ног мятежится тоской,
А там на мыс – уж белогривый
Высоко прянул конь морской.

Тебе несу подснежник ранний
Я с воскресающих полей,
А ты мне: «Милый, чу, в тумане —
Перекликанье журавлей».

<1903—1904>

¹ Валерию поэту (лат.).

Вячеслав Иванов

Ему же

Твой правый стих, твой стих победный,
Как неуклонный наш язык,
Облекся наготою медной,
Незыблем, как латинский язык!

В нем слышу клект орлов на кручах
И ночи шелестный Аверн,
И зов мятежный мачт скрипучих,
И молвь Субурр, и хрип таверн.

Взлетит и прянет зверь крылатый,
Как оный идол медяной
Пред венетийскою палатой —
Лик благовестия земной.

Твой зорек стих, как око рыси,
И сам ты — духа страж, Линкей,
Елену уследивший с выси,
Мир расточающий пред ней.

Ты — мышц восторг и вызов буйный,
Языкова прозябший хмель.
Своей отравы огнеструйной
Ты сам не разгадал досель.

Твоя тоска, твое зыванье —
Свист тирса, — тирсоносца ж нет...
Тебе в Иакхе целованье
И в Дионисе мой привет.

<1903—1904>

Вячеслав Иванов

«О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны...»

О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны,
Верь – одарил тебя не светлый Аполлон,
Но зодчий Лиры сам, Гермес – с ключами тайны,
Струнами властных чар, чьим звоном Амфион
Плоть глыб одушевлял и сдвигались живы
Основы градные седмизатворной Фивы.

19 апреля 1904

Вячеслав Иванов

Mi fur le serpi amiche² Dante, Inf., XXV 4

Валерию Брюсову

Уж я топчу верховный снег
Алмазной, девственной пустыни
Под синью траурной святыни:
Ты, в знойной мгле, где дух полыни, —
Сбираешь яды горьких нег.

В бесплотный облак и в эфир
Глубокий мир внизу истаял...
А ты – себя еще не чаял,
И вещей пыткой не изваял
Свой окончательный кумир.

Как День, ты новой мукой молод;
Как Ночь, стара моя печаль...
И я изведаль горна голод,
И на меня свергался молото,
Пред тем как в отрешенный холод
Крестилась дышащая сталь.

И я был раб в узлах змеи,
И в корчах звал клеймо укуса;
Но огонь последнего искуса
Заклял, и солнцем Эммауса
Озолотились дни мои.

Дуга страдальной Красоты
Тебя ведет чрез преступленье.
Еще, еще преодоление,
Еще смертельное томление, —
И вот – из бездн восходишь ты!

27 ноября 1904

² Змеи мне были друзьями (итал.).

Андрей Белый

Старинному врагу

В.Б.

Ты над ущельем, демон горный,
Взмахнул крылом и застил свет.
И в туче черной, враг упорный,
Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел — и облак белый
В лазурь меня — в лазурь унес...
Опять в эфирах, вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос,

Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но, опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть
Спалит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: беспцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
Копье мне — молнья. Солнце — щит.
Не приближайся: в гнев яром
Тебя гроза испепелит.

9 декабря 1904

Вячеслав Иванов

Валерию Брюсову

О Тайн ключарь, проникший руны,
Где звезд предначертан устав, —
С моими властно сочетав
Свои магические струны,
Ты стал мне друг и брат. Судьбе
Завет глухой я завещаю,
И музы темной посвящаю
Прозренья – зрящему Тебе.

<1905>

Вячеслав Иванов

«Венок»

Волшебный бледный Urbi пел et Orbi:
То – лев крылатый, ангел венетийский,
Пел медный гимн. А ныне флорентийской
Прозрачнозвонной внемлю я теорбе.

Певец победный Urbi пел et Orbi:
То – пела медь трубы капитолийской...
Чу, барбитон ответно эолийский
Мне о Патрокле плачет, об Эвфорбе.

Из златодонных чаш заложник скорби
Лил черный яд. А ныне черплет чары
Медвяных солнц кристаллом ясногранным.

Садился гордый на треножник скорби
В литом венце... Но царственной тиары
Венок заветный на челе избранном.

3 января 1906

Иннокентий Анненский

Валерию Брюсову

То шелестящему листвою,
То громозвучному на струнах,
Я фимиам несу и свой
Поэту чар янтарно-лунных.
Никто

17 февраля 1906

Константин Бальмонт

«Где же ты, святыней клявшийся...»

Где же ты, святыней клявшийся,
Быть красивым обещавшийся,
Быть поэтом до конца,
И меня выражение,
Не гасить восторг внушения
В изменениях лица?

Где же ты? Душа измучилась,
Враждовать она соскучилась,
Нет цветов во мгле вражды.
Отзовись в минуту трудную,
Сказку вспомни, изумрудную,
Нашей, двойственной Звезды.

19 марта 1906

Александр Курсинский

Пророк

Валерию Брюсову

Творя господние веленья,
Тревожа глубь людских сердец,
Ты все блаженство отречения
Постиг, властитель и мудрец.

Вольна, светла твоя дорога
С дарами неба для земли,
Твой взор уверенно и строго
Глядит на скрытое вдали.

И видя Правду неземную,
Что мнится людям лишь как сон, —
Проходишь Ты страну больную,
От казни Божьей огражден.

<1906>

Александр Курсинский

Валерию Яковлевичу Брюсову

Тебя встречая в дни расцвета,
Когда так верилось в мечты,
Тебя любил я как поэта
И песнь как голос Красоты.

Теперь настали дни тревоги, —
Но, опрокинутый в борьбе,
Не оскверню конца дороги
Изменой песне и Тебе.

*14 июня 1906
Москва*

Сергей Соловьев

Валерию Брюсову

1.

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей.

Я женской, медленной цезуре
Послушным был рабом, и вот
Твоих созвучий ярой бури
Меня схватил водоворот.

То вещим магом, то ученым,
Ты встал: безжалостно греметь.
В твоём стихе озолоченном
Звенит Вергилиева медь.

Твой стих, что конь, в кипящей злобе
Уздой сдержанный едва,
И, как удары мелкой дробы,
Твои короткие слова.

Чредой подъемов и падений
Твой стих бежит, как вал к реке.
Ты замыкаешь вихрь видений
В одной стремительной строке.

Ты тлеющего манускрипта
Разжечь угасший дух сумел.
Поешь ты о богах Египта,
Как будто их когда-то зрел.

Равно ко всем явлениям чуток,
Передаешь в напевах ты
И ласки грешных проституток,
И чистых мучениц мечты.

Всегда иной, всегда притворный,
Ты созерцаешь снег вершин,
Вдыхая чистый воздух горный,
Сам – в тине илистых низин.

<1905>

2.

Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял.
Долго в прахе звонкая лира тлела.
В пальцах ловких вновь рассыпает лира
Сладкие звуки.

Дал ты метко в речи созвучной образ
В шлеме медном воина Рима. Равен
Стих искусный медному звону речи
Римских поэтов.

Ты Эллады нежные понял песни.
Ты рисуешь девы стыдливой ласки.
Песни льются Аттики синим небом,
Медом Гимета.

Властно, крепко стих с меднозвонкой рифмой
Ты чеканишь; образы – яркие; краски —
Сочны, свежи; цельною жизнью строфы
Полные дышат.

Вечно, вечно памятни будут, Брюсов,
Всем поэтам сон Ариадны нежной,
В мире мертвых стоны Орфея; вечны
Вопли Медеи!

<1906>

3.

В ответ на «Озимя»

Прах, впоенный влагой снега,
Режет гения соха.
Звука Пушкинского негя!
Пушкин – альфа, мы – омега
В книге русского стиха.

<1905>

4.

В ответ на «Stephanos»

Нет, наших песен не иссякла

Когда-то мощная струя:
В тебе поэзии Геракла
Встречают русские края.

Эллада, вновь из праха вырой
Кумиров мертвых телеса;
Воскрес Орфей с волшебной лирой,
Чтоб двигать камни и леса!

Но жребий царственный поэта
Язвящим тернием остер:
Тебя зовет вторая Эта
На очистительный костер.

Свиваясь, сохнут листья лавра
В пожаре яростных страстей,
И ядовитый плащ кентавра
Сжигает тело до костей.

Но – полубог – ты прянул в небо.
И нектар, сладкий и густой,
Тебе улыбчивая Геба
Подносит в чаше золотой.

<1906>

В. Григорьев

Поэт

В.Я. Брюсову

Твои глаза – тоска агата...
Твои мечты – безумный мир...
В часы безмолвные заката
Горит в руках твоих потир.
И каплют строки золотые,
И расцветают, и цветут,
И ожерелия святыя
Твои жрецы из них плетут.
Горят уста – гвоздики алость...
И облеченный в омофор,
Ты перельешь в стихи усталость,
Ты перельешь в них каждый взор.
Как пред Омфалой, нежной, чистой,
Поник сраженный Геркулес, —
Так пред тобой, Поэт лучистый,
Лежит безгранный мир чудес.

<1906>

Александр Рославлев

Учителю

Валерию Брюсову

Учитель, в сердце откровенье
Стрелою огненной впилося,
И я, как ты, в оцепененье
Слежу в веках земную ось...

Ты вскрыл грозящие нам бездны,
Ты расшатал ее чеку,
И вот гласит твой стих железный
Твою суровую тоску.

Уйдя от гулко-го смятенья,
Слепых чудовищ – городов,
Ты в своевольном заточеньи
Смертельно алчешь вечных снов.

В ночной тиши, мудрец упорный,
Вкушаешь яды вещих книг,
В мечтах: то зверь, то дух нагорный,
То Бога солнечный двойник.

На миг луч сладостной надежды
Пустыню мира озарит,
И вновь устало клонишь вежды,
Храня спокойный, строгий вид.

Моя душа встречалась где-то
С твоей великою душой.
Тропой тернистою поэта
Иду, учитель, за тобой.

<1907>

Эллис

Поэту наших дней

Разуверение во всем!
Валерий Брюсов

Земле и Небу не простила
Твоя огромная душа,
Отвергла все, за все отмстила,
Грозой безумия дыша.

Она чудовищной обидой
Ответила на суд слепцов
И встала черной пирамидой
Превыше храмов и дворцов.

Вкусив смертельного напитка,
Змеей безумья оплетен,
Ты не кричишь, сведенный пыткой,
Как не кричит Лаокоон.

Упорством всемогущей воли
Смирив мистическую дрожь,
Гигант, изваянный из боли,
Ты башней замкнутой встаешь.

С улыбкою ты носишь путы
И дремлешь в темноте тюрьмы.
Как Гулливера лилипуты,
Тебя во сне связали мы.

Над горькой бездной все тревожной
Твой дух, качаем вещим сном,
И безнадежней, безнадежней
«Разуверение во всем».

Твой путь, созвездья затмевая,
Влекла огромная звезда,
Но у дверей заветных Рая
И ты слышал «Никогда!».

Ты молвил: «К небу нет возврата!
Земле молиться не хочу!».
И в душном капище разврата
Затеplit красную свечу.

И все ж, как раб, влечешься к Раю,
Упав на этом берегу,
И ты не скажешь слов: «Не знаю»,
И не помыслишь: «Не могу».

Но там, во мгле души суровой,
Где день, как ночь, угрюм и строг,
Я разглядел цветок лиловый,
Полураскрывшийся цветок...

Да, ты любил людей когда-то,
Как ныне любишь лишь слова,
Но, претворяя их в стигматы,
Твоя душа всегда жива.

Прими ж восторг моих приветов
Ты, чар не знавший чародей,
Счастливейший среди поэтов,
Несчастнейший среди людей.

<1907>

Михаил Кузмин

Акростих

В.Я. Брюсову

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо,
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»

Разящий меч готов на грозный бой,
И зов трубы звучит неутомимо.
Ютась в тени, шипит непримиримо
Бессильный хор врагов, презрен тобой.

Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!
Следи, казнясь, за подвигом открытым!

О лет царя! как яро прозвучала
В годах, веках труба немолчной славы!
У ног враги – безгласны и безглавы.

1908

С. Яншин

Spiritus

Посв. Валерию Брюсову

Ты – оковами звенящий,
Изнемогший дух,
Пролетаешь ты, палящий,
Зноен, злобен, сух.
Кто надел тебе оковы,
В башню заточил?
И, задвинув все засовы,
Смертью залучил?
Под тобою властен синий
Отблеск и рассвет,
И в твоей душе-пустыне
Слышно только: «Нет!».
Звон, грозящий над тобою,
Злобен, дик и прям...
Кто померялся с судьбою,
Не отдавшись сам?
Лишь одна печаль рассвета
Благовест взманил...
И на зов твой нет ответа, —
Небо не роднит!

<1908>

Андрей Белый

В. Брюсову

Поэт

Ты одинок. И правишь бег
Лишь ты один – могуч и молод —
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струей серебристой
Поэт – тебе: и ты – ничей —
На нас глядишь из тучи мгlistой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком.

Полудень: стой – не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

*1904
Москва*

Созидатель

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,

Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость – готов напасть.

Пляшет черная борода,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст – багряных маков —
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях – молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, – иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; —

Там за гранью небосклона —
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: —

Мира бренного обманность —
Только мысль о прожитом.

В строфах – рифмы, в рифмах – мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей нависли
Новые миры, поэт.

Все лишь символ... Кто ты? Где ты?
Мир – Россия – Петербург —

Солнце – дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

Март 1904
Москва

Маг

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты – вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, —
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких, желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой, —
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья —
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Течение быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире — ты, и ты — один.

Все озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

1904, 1908

Москва

Встреча

Туманы, пропасти и гроты...
Как в воздух, поднимаюсь я
В непобедимые высоты,
Что надо мной и вокруг меня.

Как в воздухе, в луче эфирном
Вознесся белоснежный пик,
И от него хрустальным фирном
Слетает голубой ледник...

У ледяного края бездны
Провеял облик ледяной:
Мгла дымная передо мной...
Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной:

И кто-то темный из провала
Выходит, пересекая путь,
И острое вонзилось жало
В мою взволнованную грудь...

Раскатам мстительного смеха,
Раскатам бури снеговой
Ответствует громами эхо...
И катится над головой —

Тяжеловесная лавина,
Но громовой, летящий ком

Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

Глухие стоны урагана
Упали в пасти пропастей,
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, пропасти тумана,

Над осветленной крутизной
Истаяв ясными слезами...
И кто же! – брат передо мной
С обезумевшими очами —
Склонился, и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это – ты?.. Но изумленный,
Безгневный, улыбнулся лик;
И жезл упал окровавленный
На звонкий, голубой ледник.

«Высоких искусов науку
И марева пустынных скал
Мы поняли», – ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал...

Пусть шел ты от одной долины,
Я – от другой (мой путь иной): —
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат,
На неба голубые степи; —

И, как безгрешные венцы,
Там ледяных великолепий
Блистают чистые зубцы.

Поэт и брат! В заре порфирной
Теперь идем – скорей, туда —
В зеркальные чертоги льда
Хрустального дорогой фирна.

1909
Бобровка

Борис Садовской

**Валерию Брюсову
(После «Всех напевов»)**

Орел! Над пасмурным болотом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.